

ральные убеждения, устоявшие даже после ельцинско-гайдаровской приватизации, он не был «диссидентом» и видел правду марксизма. Ему не было нужды быть «инакомыслящим», поскольку достаточно быть просто мыслящим, особенно имея перед мысленным взором вечное мерило истинной величины социальных и духовных явлений.

Двадцать с лишком лет назад я написал на обороте титульного листа своей первой книги: «Владимиру Александровичу — с абсолютным пиететом». Он прочитал, улыбнулся с хитрецей и сказал: «не сотвори себе кумира!» Я благодарен судьбе, подарившей мне знакомство и дружбу с этим светлым, умным, добрым человеком, и не собираюсь прощаться с ним. Войдя однажды в мою жизнь, он уже никуда из нее не уйдет.

*С. А. Чернов, д-р филос. наук, проф.,
заведующий кафедрой социально-политических наук
Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций
им. М. А. Бонч-Бруевича*

Когда философия Канта становится делом всей жизни...

Думаю, что не преувеличиваю таким образом значения исследования философской системы Канта в жизни и творчестве Владимира Александровича Жучкова. Во всяком случае, таково мое личное впечатление от бесед с ним и от тех его работ, с которыми я хорошо знаком с силу своего профессионального интереса к кантовско-неокантианской традиции трансцендентальной философии. Сразу хотел бы привести самые запоминающиеся его слова, которые я и сам теперь частенько воспроизвожу со ссылкой на Владимира Александровича, по поводу его оценки кантовского творчества. «Кант, — говорил мне В. А. Жучков, — однодум. Он постоянно размышляет об одном и том же. Поэтому его произведения многослойны. Его мысли постоянно вращаются вокруг одних и тех же тем: и в молодости, и в старости, и в периоды относительного вдохновения, и в периоды относительного творческого застоя и т. п. И не только произведения разных лет и разных форматов ведут между собой непрекращающийся диалог, но и идеи одного произведения всегда имеют очень глубокий контекст своего становления. Поэтому найти для любой идеи Канта в любом его произведении какой-то один смысл — работа чрезвычайной сложности».

Мое близкое знакомство с Владимиром Александровичем Жучковым состоялось в 2003 году, когда после первой российской конференции по философии Г. Когена (Саратов, 2002) я, будучи деканом философского факультета, пригласил его прочитать курс лекций по Канту. Ввиду его согласия у меня появилась возможность слушать и интенсивно общаться с ним в течение недели. Не буду долго описывать впечатление от его лекций, отмечу лишь одну бросившуюся в глаза деталь: Кант для В. А. Жучкова был живым собеседником и таким он его и представлял аудитории; при всем пиетете к величию Канта в изложении профессора Жучкова тот приобретал вполне конкретные человеческие черты, становился вполне земным человеком со своими слабостями, сомнениями и терзаниями. Великое и простое в Канте и его творчестве В. А. Жучков мог непротиворечиво представить, наверное, как никто другой. Запомнился и грустный итоговый наш разговор уже в купе поезда, который увозил его из Саратова назад в Москву. Я спросил его о книге по Канту, почему он ее никак не напишет и не

думает ли о написании таковой в ближайшее время. На что получил приблизительно такой ответ: «В молодости все думал набрать побольше материала и поэтому откладывал написание книги, сейчас же материала уже настолько много, что нет уже сил, чтобы правильно этим материалом распорядиться».

Не могу не указать на один очень примечательный факт, а именно опубликование В. А. Жучковым большой статьи «Система кантовской философии и ее трансформация в неокантианстве» (Кант и кантианцы. М., 1978). Я до сих пор рекомендую ее своим аспирантам, которые выбирают для своих исследований философию неокантианства и думаю, что буду делать так и впредь, поскольку такой четкой логики и доступности представления объемного и сложного материала не встречал нигде. А примечательность этого факта заключается в том, что обращение к исторической реабилитации неокантианской философии, которая состоялась в этой статье, произошло приблизительно в те же годы, что и в Германии, то есть на исторической родине этого философского направления. Таким образом, сегодняшние отечественные исследователи неокантианской философии могут с уверенностью утверждать о том, что современные исследования неокантианства в России начались одновременно с таковыми на Западе.

Отдельного обсуждения достоин проект В. А. Жучкова по публикации «Критики чистого разума» со всеми вариантами ее перевода на русский язык (1867, 1902, 1915, 1964 и 1994 гг.). Работа над этой публикацией наглядно демонстрирует, с каким вниманием и профессиональной ответственностью он относился к непростой кантовской терминологии. Не очень хорошее знание немецкого языка с лихвой компенсировалось знанием кантовской мысли, что и давало в итоге возможность с успехом ориентироваться в качестве того или иного перевода.

Во время работы над переводом фундаментального труда Германа Когена «Теория опыта Канта», который вышел в 2012 году в издательстве «Академический проект», и в котором марбургский философ достаточно часто обращается к текстуально-терминологическому анализу «Критики чистого разума», большим подспорьем мне было издание этого кантовского произведения В. А. Жучковым. Кроме того, приходилось часто обращаться к коллеге за необходимыми разъяснениями и уточнениями. Наше сотрудничество здесь было интенсивным и чрезвычайно для меня полезным, я всегда мог рассчитывать на высокопрофессиональную помощь, за что и выразил благодарность профессору Жучкову в своем Предисловии.

Буквально накануне конференции («Кант и неокантианство: история и современность» 27 мая), которую мы ежегодно организуем по различным темам кантовской и неокантианской философии, пришла эта печальная новость о смерти одного из ведущих российских исследователей трансцендентальной философии Канта. Светлой памяти этого человека мы ее и посвятили.

*В. Н. Белов, д-р филос. наук, проф.
Национального исследовательского Саратовского
государственного университета им. Н. Г. Чернышевского*